книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал ее иногда и читал другим. По ней выучил читать одного каторжного. Кругом меня были именно те люди, которые, по вере Белинского, не могли не сделать своих преступлений, а стало быть, были правы и только несчастнее, чем другие. Я знал, что весь русский народ называет нас тоже «несчастными» и слышал это название множество раз и из множества уст. Но тут было что-то другое, совсем не то, о чем говорил Белинский; и что слышится, например, теперь в иных приговорах наших присяжных. В этом слове «несчастные», в этом приговоре народа звучала другая мысль. Четыре года каторги была длинная школа; я имел время убедиться... Теперь именно об этом хотелось бы поговорить.

<...>

М. П. ПОГОДИН

К характеристике Белинского
(Справка с объяснением)

«Основание христианского учения есть любовь, или то живое, трепетное проникновение в вечные истины бытия, как явления Духа Божия, которое наполняет душу человека неизреченным, бесконечным блаженством. Но до такого духовного погружения в таинственную сущность источника и виновника бытия — Бога, до такого живого и трепетного проникновения в вечные истины бытия, невозможно дойти чрез посредство слабого, ограниченного и конечного рассудка человеческого, который, куда не оглянется, везде видит одни противоречия, и бессильный примирить их,— или отчаивается познать истину, или принимает за истину свои призрачные, ложные заключения. Нет, не рассудком, холодным и ограниченным, дается познание евангельской истины, выше которой нет истины в мире, но благодатию, которою вдохновляет Дух Божий Свое слабое создание, чтобы приобщить его к Своей вечной жизни и сделать его органом и тимианом Своей славы... Да, только тот постигал и чувствовал в себе откровение вечных тайн бытия, только тот вкусил от бессмертного хлеба божественной истины,— кто отрекался

от самого себя, от своих личных интересов, кто погружался в сущность Божества до уничтожения своей личности, и свою личность, как жертву, добровольно приносил Богу... Только тот воскреснет в Боге, кто умрет в Нем... Вечная жизнь достигается путем смерти, путем уничтожения... А благость дается только тому, что, смирив порывы рассудка и с корнем вырвав из сердца своего семена гордости и самообольщения, бил себя в грудь и повторял с мытарем: грешен, Господи, отпусти мне грехи мои! Да, только тот прозреет и просветлеет и возблаженствует в трепетном сознании истины всех истин, кто, распростертый перед Крестом, в таинственный час полуночи, молясь, плача и рыдая, взывал к невидимому Свидетелю наших тайных помышлений: верую Господи, помози моему неверию! И тогда кончится брань духа с плотию, кончится борьба истины со страстями, просветлеет страдальческое лицо избранника кротким светом тихой и безмятежной радости, той светлой радости, которая питает, не пресыщая, крепит, не обременяя, той бесконечной радости, от которой кротко движется дух, не волнуясь мятежно, видит даль без границ, глубину без дна — не возмущается страхом; в сердце своем ощутит он ту безмятежную тишину, в которой слышатся отдаленные хоры ангелов, тот священный сумрак, сквозь который сияет заря бессмертия, и тусклым, таинственным мерцанием своим сулит вечное успокоение, потому что его сердце сделается уже храмом Божиим, где величие размеров и благолепие украшений возвышает и окрепляет дух, а не подавляет его, где тишина не пугает духа своим мертвым безмолвием, а настраивает его к торжественности и благоговению, как провозвестница таинственного присутствия Вездесущего... И укрепит Бог слабое творение Свое, и не будет в нем больше страха, любовь победит и изгонит страх... И кончается его ежедневные заботы и опасения за свой грядущий день, за свое настоящее и будущее счастье, за свои личные и конечные интересы: пусть будет мрачно небо над его головою, пусть бушуют ветры и раздаются громы — они не заглушат для него голоса Бога, не прервут его собеседования с ним в молитве; — он никогда не забудет, что он сын Бога живого, что у него есть Отец, Который хранит его Своею любовью и без воли Которого не спадет и волос с головы его; — а так как эта воля свята и справедлива, то с любовью и без страха он подвергается всем ее определениям... Не устрашит его и мысль о смерти: не отвратительный скелет уничтожения, а светлого ангела успокоения увидит он в ней... Не возмутится душа его и потерею кровных и ближних: разлука с ними будет для него залогом свидания в новом, лучшем бытии, на новой земле и под новым небом... В колыбелях и могилах будут видеться ему волны великого океана бытия; волна гонит волну, волна сменяет волну — волны проходят и исчезают, а океан все так же велик и глубок и так же живет и движется на своем бездонном, необъятном ложе,— а в его кристалле все так же торжественно отражается лучезарное солнце и все так же колышется и трепещет ночное небо, усыпанное мириадами звезд,— а те звезды своим таинственным блеском как будто говорят о новых мирах, где так же приходят и приходят волны бытия, может быть, уже прошедшие здесь...»

«Да, истинный христианин есть тот, для кого на земле нет уже страдания, нет греха, нет страха, нет смерти; он еще здесь, на земле, живет уже в небе, потому что в его духе живет любовь и блаженство,— ибо душа его есть храмина Бога. Длится жизнь его, обремененная годами, он благодарит за нее Бога; смерть застигает его на полудороге жизни,— он с любовью бросается в объятья тихого ангела успокоения, потому что он понимает значение слов: “В дому Отца моего обители суть”. Он знает, потому что любит; ибо любовь есть высшее знание... Он знает: целый, яко голубь, он мудр, яко змий, ибо за страдания, за жертву, за борьбу с сомнениями рассудка, за веру, которая не оставляла его и среди сомнений,— ему дана высшая мудрость, высшее знание. Истинно верующий есть в то же время и знающий... Но повторяем: это знание не принадлежит человеку, не есть плод его человеческой мудрости, но дается, ниспосылается ему свыше как откровение, как благодать, как любовь. От него зависит только неослабное стремление к этому знанию, а это стремление выражается в жертвах, в борьбе, в труде, в молитве, в отречении от себя для Бога, от благ земных для небесных... Только тогда внутри его, в таинственном святилище его духа восходит светлое солнце истины и лучами своими просветляет свой темный, плотский горизонт, и дает человеку сокровище, которого ни червь не точит, ни ржа не ест, ни тать не похищает».

«Распространение евангельских истин есть святая обязанность всякого христианина, возлагаемая на него убеждением в них и любовью в истине; но не всякий должен принимать ее на себя, потому что для этого требуется духовное посвящение, которое состоит в глубоком проникновении в евангельские истины путем любви, откровения и благодати, и еще в способности передавать свои мысли с жаром, убеждением и силою. Кто возьмется за эту высокую миссию без этого внутреннего посвящения, тот высокие религиозные истины обратит в сухое нравоучение — плод человеческой мудрости, конечного человеческого рассудка. Самый высочайший, самый истинный, единственный образец и пример для этого есть Евангелие, Божественный Искупитель наш говорил фарисеям: “Горе вам, книжники и фарисеи”, грозил заблудшим и ожесточенным вечным огнем и вечною смертью; но это было только одною стороною его учения, необходимым средством для потрясения окаменелых и ожесточенных сердец, потому что, грозя адом, Он указывал и на небо, говоря о наказании, говорил и о крещении и искуплении, о вечном блаженстве, и говорил это словами, в которых веял дух вечной, божественной любви, бесконечного небесного блаженства. Поэтому-то все проповеди, все объяснения христианских истин, не проникнутые духом трепетной, животворной любви, никогда и никакого не производят действия. Сверх того, Евангелие отличается еще и тем, что оно равно убедительно, равно ясно и понятно говорит всем сердцам, всем душам, всем умам, искренно жаждущим напитаться его истинами; его равно понимает и царь и нищий, и мудрец и невежда. Да, каждый из них поймет равно, потому что один поймет больше, глубже, нежели

другой; но все они поймут одну и ту же истину,— и еще так, что мудрый, но гордый своею мудростью, поймет ее меньше, нежели простолюдин в простоте и смирении своего сердца, жаждущего истины, и по тому самому отзывающегося на нее».

Как бы вы думали, читатели, кому принадлежат эти прекрасные строки, проникнутые чувством, озаренные мыслью живою, благочестивою?

Белинскому!

«Такие мысли возбуждала в нас,— говорит он,— маленькая книжка под названием “Сердце человеческое есть или храм Божий, или жилище сатаны”». См. собрание его сочинений, т. III, стр. 44[1].

Вот еще подобные строки, написанные им в другой статье пред разбором сочинений Фонвизина.

«Есть книга, в которой все сказано, все решено, после которой ни в чем нет сомнения, книга бессмертная, святая книга вечной истины, вечной жизни — Евангелие. Весь прогресс человечества, все успехи в науках, в философии заключаются только в большем проникновении в таинственную глубину этой божественной книги, в сознании ее живых, вечно непреходящих глаголов. В этой книге ничего не сказано о чести. Честь есть краеугольный камень человеческой мудрости. Основание Евангелия — откровение истины чрез посредство любви и благодати».

«Но евангельские истины не глубоко вошли в жизнь французов; они извесили их своим рассудком и решили, что должна быть мудрость выше евангельской, истина — выше любви. Любовь постигается только любовью, чтобы познать истину, надо носить ее в душе как предощущение, как чувство; вера есть свидетельство духа и основа знания, бесконечное доступно только чувству бесконечного, которое лежит в душе человека как предчувствие. У французов — у них во всем конечный, слепой рассудок, который хорош на своем месте, т. е. когда дело идет о разумении обыкновенных житейских вещей, но который становится буйством пред Господом, когда заходит в высшие сферы знания. Народ — без религиозных убеждений, без веры в таинство жизни, все святое оскверняется от его прикосновения, жизнь мрет от его взгляда. Так оскверняется для вкуса прекрасный плод, по которому проползла гадина» (Сочинения Белинского, т. II, стр. 315).

«Основание христианской религии есть любовь к ближнему до самоотвержения. С другой стороны, понимание одним разумом, без участия чувства, есть понимание мертвое, безжизненное и ложное, и нисколько не разумное, а только рассудочное. И если в религии доверие к одному непосредственному чувству доводит до фанатизма, то доверие одному только рассудку доводит до неверия, которое есть отречение от своего человеческого достоинства, есть нравственная смерть» (Стр. 317).

А вот что Белинский писал о вездесущии и милосердии Божием:

> «Не говорите детям о том, что такое Бог, они не поймут ваших конечных и отвлеченных определений бесконечного существа; не заставляйте детей любить его, этого Бога, который является им и в ясной лазури неба, и в ослепительном блеске солнца, и в торжественном великолепии восстающего дня, и в грустном величии наступающей ночи, и в реве бури, и в раскатах грома, и в цветах радуги, и в зелени лесов, и во всем, что есть в природе живого, так безмолвно и вместе так красноречиво говорящего душе юной и свежей, и, наконец, во всяком благородном порыве, во всяком чистом движении их младенческого сердца. Не рассуждайте с детьми о том, какое наказание полагает Бог за такой-то грех, не показывайте им Бога как грозного, карающего судию, но учите их смотреть на Него без трепета и страха, как на отца, бесконечно любящего своих детей, которых Он создал для блаженства и которых блаженство Он искупил мучением на кресте». Т. II, стр. 347.

Лучше, выразительнее, горячее этих трепетных слов о христианском учении, о блаженстве истинного христианина, об обязанности его содействовать распространению святых заветов Евангелия, о величии Божием, мудрено сказать кому бы то ни было!

Перечтем их здесь через тридцать лет, с глубокою благодарностью автору, и выразим вместе удивление, каким образом человек, так глубоко понимавший, кажется, сущность христианства, так искренно, кажется, преданный святому учению, говоривший с таким восторгом, с такою силою о Христе, о Боге, мог через короткое время сделаться не только отчаянным атеистом, но и с жаром проповедывать атеизм и стараться об обращении любимых людей к безверию! Каким образом мог этот человек с такою легкостью, с такою дерзостью, с таким невежеством, чрез самое короткое время, относиться к божественному лицу Иисуса Христа, как это видно из беседы его с г. Достоевским и двумя другими участниками. Мы не осмеливаемся повторить дерзких до нелепости его слов. См. «Гражданин», 1873 г. № 1, стр. 16 [2].

Верное объяснение этого психологического явления представил, в самый разгар полемики западников и славянофилов, полемист «Москвитянина» М. З. К., который приведен недавно г. Пыпиным в «Вестнике Европы», декабрь 1872 г., стр. 54 [3]. «Вовсе не чуждый эстетического чувства,— чему доказательством служат особенно прежние статьи его,— Белинский как будто пренебрегает им, и обладая собственным капиталом постоянно живет в долг. С тех пор как он явился на поприще критики, он был всегда под влиянием чужой мысли. Несчастная восприимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отрекаться скоро и решительно

от вчерашнего образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайностей держала его в какой-то постоянной тревоге, которая обратилась наконец в нормальное состояние и помешала развитию его способностей».

В ответ полемисту «Москвитянина» Белинский оправдывался, как приведено в той же статье г. Пыпина: «Что касается до вопроса, сообразна ли с способностью страстного, глубокого убеждения способность изменять его, он давно решен для всех тех, кто любит истину больше себя и всегда готов пожертвовать ей своим самолюбием...» Сочин. Т. XI, стр. 257.

Нет, ответим мы теперь Белинскому задним числом, жертвовать истине своим самолюбием прекрасно и почтенно. Переменять свое мнение о человеке, вследствие какого-нибудь вновь узнанного его поступка; переменять свое мнение о каком-нибудь событии вследствие вновь найденного документа; переменять свое мнение о каком-нибудь явлении вследствие вновь сделанного опыта,— это случается со всеми нами. Изменять свой образ мыслей, в продолжении времени, вследствие размышления, опыта и других подобных причин,— это естественно, это в природе человека, но переменять свой образ мыслей так быстро о самых высоких предметах человеческого ведения и впадать внезапно из одной крайности в другую, совершенно противоположную, из пламенного христианина делаться отчаянным безбожником и пропагандистом,— это ни с чем не сообразно и не имеет себе примера нигде. Пожертвование истине самолюбием, на которое Белинский ссылался, здесь не при чем!

Вот, кстати, пример его безотчетного прыганья от одного мнения к другому, даже о литературных вопросах. Кому не знакомы сочинения Жорж Занд? Они все имеют родственное между собою сходство, одни и те же достоинства, одни и те же недостатки, с тою разницей, что первые произведения были сильнее, живее, блистательнее, а последние слабели постепенно, напоминая, впрочем, все-таки о таланте необыкновенном.

В эпоху знакомства Белинского с Достоевским, то есть в первых сороковых годах, Белинский был в восторге от Жорж Занд, а прежде, когда она была в апогее своей славы, он ругал ее без пощады: «Что представляет нынешняя французская литература? — говорил он.— Отражение мелких сект, ничтожных систем, эфемерных партий, дневных вопросов. Г-жа Дюдеван, или известный, но отнюдь не славный Жорж Занд, пишет целый ряд романов, один другого нелепее и возмутительнее, чтобы приложить к практике идеи сен-симонизма об обществе. Какие же это идеи? О, бесподобные! — именно: индустриальное направление должно взять верх над идеальным и духов-

ным; должно распространяться равенство не в смысле христианского братства, которое и без того существует в мире со времени первых двенадцати учеников Спасителя, а в смысле какого-то масонского или квакерского сектантства; должно уничтожить всякое различие между полами, разрешив женщину на вся тяжкая и допустив ее наравне с мужчиною к отправлению гражданских должностей, а главное — предоставив ей завидное право менять мужей по состоянию своего здоровья. Необходимый результат этих глубоких и превосходных идей есть уничтожение священных уз брака, родства, семейственности, словом, совершенное превращение государства сперва в животную и бесчинную оргию, а потом в призрак, построенный из слов на воздухе» (III, стр. 304).

В русской литературе он поносил всячески Хомякова и Языкова, потому только, что они принадлежали к другому приходу, к которому его приход стал во враждебные отношения, хотя о национальности, одном из главных славянофильских догматов, он выражался в свое время отнюдь не умереннее славянофилов!

Это был человек в высшей степени увлекавшийся, который говорил нынче одно, а завтра другое, подвергаясь влиянию того, о чем ему нынче и завтра слышать или что взять на прокат случалось, и вот, щеголяя в чужих платьях как в своих, он был последовательно, без всяких задних мыслей, христианином, атеистом, радикалом, социалистом, восточником, западником, нигилистом и всем чем угодно, смотря по погоде, оправдывая пословицу о семи пятницах на неделе. Такова была его натура, или, как выражается г. Достоевский, «Белинский был по преимуществу не рефлективная личность, а именно — беззаветно восторженная всегда и во всю его жизнь» (Стр. 15).

Белинский, смотрящий с умилением на строящуюся железную дорогу,— вот характеристическое его положение и объяснение, оправдание.

Вместе с тем это был человек пылкий и талантливый, с знанием языка, искусством писать, который, об чем бы ни заговорил, говорил с жаром, увлечением, веря в истину своих слов, и принадлежал к ряду Дон Кихотов, которым нельзя иногда не симпатизировать, но за которыми смешно следовать в их ежедневных экскурсиях и ежемесячных сальто-морталях!

Обаяние первых поклонников Белинского в Петербурге (в Москве он не имел никакого значения) кадетов, гимназистов, семинаристов, студентов, основателей его славы, которые потом сделались учителями, инспекторами и директорами, можно объяснить обстоятельствами того времени, когда живой голос и притом голос отрицательный был

в диковинку, но продолжающееся до сих пор у многих учителей безусловное уважение к словам Белинского, при всем их взаимном противоречии, можно объяснить только низким уровнем нашего образования, преимущественно педагогического.

Старый читатель журналов М. Погодин.

А. Н. ПЫПИН

<Общее изображение личности и исторической роли В. Г. Белинского>

Нам предстояла бы теперь еще задача — собрать рассеянные черты характера и биографии Белинского в общее изображение его личности и исторической роли. Дальше мы и сделаем несколько замечаний о последнем, т. е. об историческом его значении, которое после законченной деятельности есть, так сказать, теоретический факт, дело исторического сравнения и вывода. Такие выводы могут быть делаемы и вне чисто личной оценки; впоследствии, когда снимается необходимая сдержанность, рекомендуемая близостью времени и другими обстоятельствами, они будут сделаны шире, свободнее и рельефнее; с своей стороны мы еще чувствуем стесняющие условия и желали бы по крайней мере собрать сколько возможно более материала для будущих решений вопроса. Но для изображения личности деятеля не довольно теоретических соображений, которые в подобном случае могут доставлять только более или менее гадательное восстановление личности: мы старались поэтому указывать современные свидетельства и впечатления лиц из круга Белинского, сохранивших память о живых обнаружениях этого характера.

В настоящем случае мы только напомним читателю основные черты этой страстной, увлекающейся, но глубокой, всегда неизменно правдивой натуры,— черты, которые в таком обилии читатель может видеть и в фактах биографии, и в рассказах современников, а всего больше в самых произведениях и личной, замечательно, безусловно